

ОБЗОР

практики Конституционного Суда Российской Федерации

за первый квартал 2020 года

Настоящий обзор посвящен постановлениям и наиболее важным определениям, принятым Конституционным Судом Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) в первом квартале 2020 года.

I

Конституционные основы публичного права

1. Постановлением от 13 января 2020 года № 1-П Конституционный Суд дал оценку конституционности частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой на их основании решается вопрос о доступе к информации о состоянии здоровья умершего, в том числе к его медицинской документации, лица, указанного в информированном добровольном согласии пациента на медицинское вмешательство в качестве лица, которому в интересах пациента может быть передана информация о состоянии его здоровья, а также супруга умершего, его близких родственников, а при их отсутствии – иных родственников.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования неопределенность их нормативного содержания не позволяет определить условия и порядок доступа к медицинской документации умершего пациента его супруга (супруги), близких родственников (членов семьи) и (или) иных лиц, указанных в его информированном добровольном согласии на медицинское вмешательство.

Впредь до внесения надлежащих законодательных изменений медицинским организациям надлежит по требованию вышеуказанных лиц предоставлять им для ознакомления медицинские документы умершего пациента с возможностью снятия своими силами копий (фотокопий), а если соответствующие медицинские документы существуют в электронной форме – предоставлять соответствующие электронные документы. При этом отказ в таком доступе может быть признан допустимым только в том случае, если

при жизни пациент выразил запрет на раскрытие сведений о себе, составляющих врачебную тайну.

2. Постановлением от 4 февраля 2020 года № 7-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений части второй статьи 67 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца первого пункта 8 статьи 13 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Согласно положениям части второй статьи 67 Трудового кодекса Российской Федерации трудовой договор, не оформленный в письменной форме, считается заключенным, если работник приступил к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя; при фактическом допущении работника к работе работодатель обязан оформить с ним трудовой договор в письменной форме не позднее трех рабочих дней со дня фактического допущения работника к работе, а если отношения, связанные с использованием личного труда, возникли на основании гражданско-правового договора, но впоследствии были признаны трудовыми отношениями, – не позднее трех рабочих дней со дня признания этих отношений трудовыми отношениями, если иное не установлено судом.

Абзац первый пункта 8 статьи 13 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» устанавливает, что работодатель или заказчик работ (услуг), привлекающие и использующие для осуществления трудовой деятельности иностранного гражданина, обязаны уведомлять территориальный орган федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел в субъекте Российской Федерации, на территории которого данный иностранный гражданин осуществляет трудовую деятельность, о заключении и прекращении (расторжении) с данным иностранным гражданином трудового договора или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг) в срок, не превышающий трех рабочих дней с даты заключения или прекращения (расторжения) соответствующего договора.

Конституционный Суд признал оспоренные взаимосвязанные положения не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку в системе действующего правового регулирования они не предполагают:

возложения на работодателя, привлекающего и использующего для осуществления трудовой деятельности иностранного гражданина, обязанности по уведомлению территориального органа федерального органа

исполнительной власти в сфере внутренних дел в субъекте Российской Федерации, на территории которого данный иностранный гражданин осуществляет трудовую деятельность, о поручении такому иностранному гражданину работы, не предусмотренной заключенным с ним трудовым договором и отличной от указанной в направленном в соответствующий орган уведомлении о его заключении, а также об изменении определенного в трудовом договоре адреса, по которому осуществляется трудовая деятельность;

привлечения названного работодателя к административной ответственности за неуведомление территориального органа федерального органа исполнительной власти, осуществляющего федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции, о поручении иностранному гражданину работы, не предусмотренной заключенным с ним трудовым договором и отличной от указанной в направленном в соответствующий орган уведомлении о его заключении, а также об изменении определенного в трудовом договоре адреса, по которому осуществляется трудовая деятельность.

3. Постановлением от 25 февраля 2020 года № 9-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 1 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Оспоренное положение являлось предметом рассмотрения постольку, поскольку оно, действуя в системе с иными нормами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (в частности, пунктом 6 части 1 его статьи 350) и получив правоприменительное истолкование в деле заявителя, обусловило решение судом общей юрисдикции вопроса о пересмотре принятого по административному делу судебного акта в связи с таким новым обстоятельством, как признание положенного в его основу нормативного правового акта недействующим с момента вступления в законную силу решения об этом, вынесенного судом по административному иску лица, участвовавшего в данном административном деле.

Конституционный Суд признал оспоренное положение не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку в системе действующего правового регулирования оно не препятствует пересмотру по новым обстоятельствам вступившего в законную силу судебного акта суда общей юрисдикции по заявлению лица, в связи с административным иском которого положенный в основу этого судебного акта нормативный правовой

акт признан недействующим судом, вне зависимости от того, с какого момента данный нормативный правовой акт признан недействующим.

4. Постановлением от 24 марта 2020 года № 12-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений статьи 19, пункта 7 части 1 статьи 20, пункта 7 статьи 21 и части 4 статьи 240 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, а также пункта 7 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации».

Предметом рассмотрения являлись положения статьи 19, пункта 7 части 1 статьи 20, пункта 7 статьи 21 КАС Российской Федерации и пункта 7 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» в той мере, в какой на их основе разрешается вопрос о подсудности административного дела об оспаривании решения вышестоящей избирательной комиссии, которым оставлено в силе решение окружной избирательной комиссии по выборам в законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации об отказе в регистрации кандидата в депутаты.

Указанные взаимосвязанные положения были признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации в части определения ими подсудности обозначенных административных дел.

Кроме того, предметом рассмотрения была также часть 4 статьи 240 КАС Российской Федерации в той мере, в какой она служит основанием для отказа в рассмотрении (в удовлетворении) судом административного искового заявления, касающегося решения избирательной комиссии об отказе в регистрации кандидата, в связи с пропуском заявителем (кандидатом) десятидневного срока обращения в суд в случае предварительного обжалования таким лицом решения об отказе в регистрации в вышестоящую избирательную комиссию в установленный законом срок.

Данная норма была признана не соответствующей Конституции Российской Федерации в той мере, в какой она предусматривает отказ в рассмотрении (в удовлетворении) судом административного искового заявления, касающегося решения избирательной комиссии об отказе в регистрации кандидата, в указанных обстоятельствах.

Впредь до внесения надлежащих законодательных изменений административное исковое заявление, касающееся решения избирательной комиссии об отказе в регистрации кандидата, после истечения закрепленного частью 4 статьи 240 КАС Российской Федерации срока может быть подано в

суд заявителем (кандидатом) в случае предварительного обжалования такого решения в установленном законом порядке в вышестоящую избирательную комиссию в предусмотренный пунктом 2 статьи 78 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» пятидневный срок со дня принятия вышестоящей избирательной комиссией решения об оставлении жалобы без удовлетворения.

Признание части 4 статьи 240 КАС Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации не затрагивает результатов выборов в Московскую городскую Думу, состоявшихся 8 сентября 2019 года, и не может служить основанием для их пересмотра.

5. В Определении от 14 января 2020 года № 3-О Конституционный Суд повторил изложенные в Постановлении от 14 ноября 2019 года № 35-П правовые позиции, раскрывающие конституционно-правовой смысл абзаца второго статьи 42 Земельного кодекса Российской Федерации и части 1 статьи 8.8 КоАП Российской Федерации, рассматриваемых в системе действующего правового регулирования, в том числе с учетом пункта 2 статьи 7 Земельного кодекса Российской Федерации.

Конституционный Суд отметил, что указанные позиции распространяются и на ситуацию привлечения к административной ответственности, предусмотренной за использование земельного участка не по целевому назначению, собственника земельного участка с видом разрешенного использования – «в целях эксплуатации административного здания» и расположенного на нем административного здания, если такой собственник предоставил религиозной организации возможность осуществлять в указанном здании богослужения, другие религиозные обряды и церемонии, а также использовать его адрес в качестве адреса религиозной организации.

Соответственно, часть 1 статьи 8.8 КоАП Российской Федерации, пункт 2 статьи 7 и абзац второй статьи 42 Земельного кодекса Российской Федерации не предполагают привлечения к административной ответственности за нецелевое использование земельного участка с видом разрешенного использования «в целях эксплуатации административного здания» на том лишь основании, что местная религиозная организация проводит в административном здании, расположенном на данном земельном участке, богослужения, другие религиозные обряды и церемонии (помимо осуществления в этом здании иной своей уставной деятельности, в том числе и административной). При решении вопроса об основаниях привлечения к

административной ответственности (в том числе за нецелевое использование земельного участка) религиозной организации, являющейся собственником земельного участка и находящегося на нем административного здания, предоставившей здание по договору в бессрочное безвозмездное пользование местной религиозной организации, входящей в его структуру, правоприменителям необходимо исходить из всей совокупности фактических обстоятельств использования религиозной организацией административного здания и требований к использованию конкретного земельного участка, что не предполагает признания надлежащим (достаточным) основанием привлечения к административной ответственности, предусмотренной частью 1 статьи 8.8 КоАП Российской Федерации, осуществления в указанном здании богослужений, других религиозных обрядов и церемоний.

Привлечение же к административной ответственности за правонарушение, предусмотренное частью 1 статьи 8.8 КоАП Российской Федерации, собственника земельного участка в связи с проведением в расположенном на нем административном здании богослужений, других религиозных обрядов и церемоний в соответствии с пунктом 2 статьи 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», а также с использованием его адреса в качестве адреса местной религиозной организации приводит к ограничению прав религиозных организаций на свободное распоряжение своим имуществом и свободы вероисповедания.

II

Конституционные основы трудового законодательства и социальной защиты

6. Постановлением от 23 января 2020 года № 4-П Конституционный Суд дал оценку конституционности части 1 статьи 63 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Указанное положение являлось предметом рассмотрения в той мере, в какой на его основании решается вопрос о предоставлении отпуска по личным обстоятельствам продолжительностью 30 календарных дней с сохранением денежного довольствия сотруднику органов внутренних дел, увольняемому со службы по основанию, предусмотренному пунктом 1 части 3 статьи 82 данного Федерального закона (в связи с болезнью – на основании заключения военно-врачебной комиссии о негодности к службе в органах внутренних дел).

Конституционный Суд признал оспоренное положение о предоставлении отпуска в год увольнения со службы в связи с состоянием здоровья не соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования в силу своей неопределенности оно не позволяет однозначно установить, приобретают ли увольняемые со службы по указанному основанию сотрудники ОВД право на отпуск по личным обстоятельствам продолжительностью 30 календарных дней с сохранением денежного довольствия.

7. Постановлением от 28 января 2020 года № 5-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений части четвертой статьи 7 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей», подпункта 2 пункта 1 статьи 6, пункта 2² статьи 22 и пункта 1 статьи 28 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», подпункта 2 пункта 1 статьи 419 Налогового кодекса Российской Федерации, а также частей 2 и 3 статьи 8, части 18 статьи 15 Федерального закона «О страховых пенсиях».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой на их основании (во взаимосвязи с абзацем третьим пункта 1 статьи 7 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации») решается вопрос о возложении на адвокатов из числа лиц, получающих пенсию за выслугу лет или пенсию по инвалидности в соответствии с Законом «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей» (военных пенсионеров), обязанности по уплате страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, в том числе по солидарной части тарифа, без установления гарантий получения при наступлении страхового случая страховой пенсии по старости с учетом фиксированной выплаты.

Данные законоположения признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они, относя указанных лиц к страхователям по обязательному пенсионному страхованию, возлагают на них обязанность по уплате соответствующих страховых взносов с целью обеспечения их права на получение обязательного страхового обеспечения по обязательному пенсионному страхованию.

Наряду с этим оспоренные положения были признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они характеризуются неопределенностью нормативного содержания применительно к объему и условиям формирования и реализации в системе обязательного пенсионного страхования пенсионных прав адвокатов из числа военных пенсионеров, надлежащим образом исполняющих обязанности страхователя по уплате страховых взносов на обязательное пенсионное страхование.

8. Постановлением от 13 февраля 2020 года № 8-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положения пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации».

Названный пункт являлся предметом рассмотрения в той мере, в какой он в системной связи с иными положениями этого Федерального закона служит основанием для решения вопроса о расторжении трудового договора за несоблюдение предусмотренных законом ограничений и запретов, связанных с муниципальной службой, с муниципальным служащим, не указавшим при поступлении на муниципальную службу в анкете установленной формы сведения о судимости.

Конституционный Суд признал оспоренное положение не противоречащим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой содержащийся в нем принцип единства ограничений и обязательств при прохождении муниципальной службы и государственной гражданской службы в системной связи с иными положениями этого Федерального закона не предполагает в такой ситуации расторжения трудового договора с муниципальным служащим.

9. Постановлением от 26 марта 2020 года № 13-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 3 части 2 статьи 30 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации».

Указанное законоположение являлось предметом рассмотрения в той мере, в какой оно допускало увольнение со службы сотрудника Следственного комитета Российской Федерации в случае нарушения им Присяги и (или) совершения проступка, порочащего честь сотрудника Следственного комитета Российской Федерации, без учета предусмотренных частью 8 статьи 28 указанного Федерального закона сроков применения дисциплинарного взыскания.

Оспоренное положение было признано не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку не предполагает увольнения сотрудника Следственного комитета Российской Федерации в случае нарушения им Присяги без соблюдения указанных сроков наложения дисциплинарного взыскания.

10. В Определении от 14 января 2020 года № 2-О Конституционный Суд повторил ранее изложенную в Постановлении от 29 марта 2019 года № 16-П правовую позицию о признании не соответствующими Конституции Российской Федерации положений части 6 статьи 21 Федерального закона «О противодействии терроризму» и части 15 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» в той мере, в какой они исключают возможность предоставления одному и тому же лицу из числа военнослужащих, получившему военную травму при участии в осуществлении мероприятий по борьбе с терроризмом, являющемуся инвалидом и признанному не годным к прохождению военной службы, единовременных пособий, предусмотренных указанными законоположениями.

Конституционный Суд отметил, что приведенная правовая позиция сохраняет свою силу, по существу носит общий характер и может служить основой для разрешения вопроса о праве сотрудников органов внутренних дел, получивших при участии в мероприятиях по противодействию терроризму увечье, повлекшее за собой наступление инвалидности, и которым выплачены пособия, установленные для сотрудников органов внутренних дел, получивших в ходе осуществления служебной деятельности телесные повреждения, препятствующие дальнейшему прохождению службы, на получение единовременного пособия, предусмотренного специальным законодательством.

III

Конституционные основы частного права

11. Постановлением от 14 января 2020 года № 2-П Конституционный Суд дал оценку конституционности абзацев первого и четвертого пункта 30 Типового положения о предоставлении социальных выплат на строительство (приобретение) жилья гражданам Российской Федерации, проживающим в сельской местности, в том числе молодым семьям и молодым специалистам (приложение № 4 к федеральной целевой программе «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 июля 2013 года № 598).

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой они, будучи воспроизведены в нормативных актах субъекта Российской Федерации, служат основанием для решения судом вопроса о взыскании по иску органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации с гражданина – получателя социальной выплаты на строительство (приобретение) жилья в сельской местности денежных средств в размере предоставленной социальной выплаты в связи с тем, что право собственности граждан на жилое помещение не зарегистрировано в срок, установленный нормативным актом субъекта Российской Федерации.

Конституционный Суд признал оспоренные положения о предоставлении социальных выплат на строительство (приобретение) жилья гражданам Российской Федерации, проживающим в сельской местности, в том числе молодым семьям и молодым специалистам, не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку в системе действующего правового регулирования они предполагают, что решение суда по такому иску должно приниматься на основе установления и исследования всех имеющих значение для разрешения дела обстоятельств, в том числе причин пропуска установленного срока, разумности и осмотрительности действий получателя социальной выплаты, соблюдения им условий ее использования, предусмотренных нормативными актами и договором о ее предоставлении.

12. Постановлением от 21 января 2020 года № 3-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положения статьи 54 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспоренное положение являлось предметом рассмотрения в той мере, в какой оно связывает право на обжалование судебных постановлений по делу о признании гражданина недееспособным через лично избранного данным

гражданином адвоката с наличием доверенности, специально наделяющей адвоката правом на обжалование судебных постановлений.

Оспоренное положение во взаимосвязи с положением части третьей статьи 284 ГПК Российской Федерации признано не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку в системе действующего правового регулирования оно не предполагает возможности отказа суда в рассмотрении по существу жалоб адвоката, направленных на оспаривание решения суда о признании гражданина недееспособным и поданных адвокатом, действующим на основании ордера, по мотиву отсутствия у адвоката выданной этим гражданином доверенности, специально оговаривающей его полномочие на обжалование судебного постановления, если из конкретных обстоятельств следует, что адвокат действует в интересах и по воле этого гражданина.

13. Постановлением от 5 марта 2020 года № 11-П Конституционный Суд дал оценку конституционности подпунктов 4 и 5 пункта 1 и пункта 5 статьи 57 Земельного кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования на их основании решается вопрос о возмещении убытков в случае ограничения прав собственника земельного участка правомерными действиями органа государственной власти или органа местного самоуправления в связи с установлением зоны охраны объекта культурного наследия.

Конституционный Суд признал подпункты 4 и 5 пункта 1 статьи 57 Земельного кодекса Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой содержащиеся в них положения о возмещении убытков в указанном случае в системе действующего правового регулирования и с учетом их истолкования в правоприменительной практике в силу своей неопределенности не позволяют однозначно определить условия такого возмещения.

Впредь до внесения соответствующих законодательных изменений основанием для возмещения убытков, причиненных собственникам земельных участков ограничением их прав на землю органом государственной власти или органом местного самоуправления по причине правомерного установления или изменения зоны охраны объекта культурного наследия, является само наличие убытков, вызванных правомерными действиями этого органа.

Пункт 5 статьи 57 Земельного кодекса Российской Федерации, позволяющий Правительству Российской Федерации определять порядок возмещения убытков, предусмотренных данной статьей, признан не противоречащим Конституции Российской Федерации.

IV

Конституционные основы уголовной юстиции

14. Постановлением от 30 января 2020 года № 6-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений части третьей статьи 6¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой они служат основанием для решения вопроса об определении продолжительности разумного срока уголовного судопроизводства в части установления момента начала его исчисления для лица, признанного потерпевшим по уголовному делу в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом, в случаях, когда уголовное дело прекращено в связи со смертью подозреваемого.

Оспоренные положения признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они позволяют при определении разумного срока уголовного судопроизводства для лица, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред (признанного в установленном уголовно-процессуальным законом порядке потерпевшим), не учитывать период со дня подачи им заявления о преступлении и до момента возбуждения уголовного дела об этом преступлении в случаях, когда производство по данному уголовному делу прекращено в связи со смертью подозреваемого.

Впредь до внесения надлежащих законодательных изменений при определении разумного срока уголовного судопроизводства для указанного лица, если производство по уголовному делу прекращено в связи со смертью подозреваемого, следует руководствоваться положениями части третьей³ статьи 6¹ УПК Российской Федерации.

15. Постановлением от 27 февраля 2020 года № 10-П Конституционный Суд дал оценку конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Оспоренное положение являлось предметом рассмотрения постольку, поскольку на его основании разрешается вопрос о возложении уголовной ответственности за незаконный сбыт государственных наград СССР на лиц, у которых они хранятся (которым они переданы) после смерти награжденного.

Конституционный Суд признал оспоренное положение не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку в системе действующего правового регулирования оно предполагает возможность возложения такой ответственности в силу общности правового режима государственных наград Российской Федерации и государственных наград СССР, установленного федеральными законами и нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, которыми на государственные награды СССР распространено законодательство о государственных наградах Российской Федерации, ограничивающее их свободный оборот.

Оспоренное положение предполагает также необходимость в правоприменительной практике устанавливать как формальную уголовную противоправность предусмотренного статьей 324 УК Российской Федерации деяния, так и реальную степень его общественной опасности, определяемую с учетом исследования всей совокупности фактических обстоятельств конкретного дела, в том числе свидетельствующих о наличии либо отсутствии оснований для освобождения лица от уголовной ответственности или от наказания либо для признания совершенного деяния малозначительным.

16. Определением от 14 января 2020 года № 4-О Конституционный Суд выявил смысл положений пункта 3 части второй статьи 38 и части одиннадцатой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Согласно пункту 3 части второй статьи 38 УПК Российской Федерации следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с данным Кодексом требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа.

Согласно части одиннадцатой статьи 182 УПК Российской Федерации при производстве обыска участвуют лицо, в помещении которого производится обыск, либо совершеннолетние члены его семьи; при производстве обыска вправе присутствовать защитник, а также адвокат того лица, в помещении которого производится обыск.

Как отметил Конституционный Суд, оспоренные положения предоставляют явившемуся защитнику, а также адвокату того лица, в помещении которого производится обыск, право присутствовать при проведении данного следственного действия, а на следователя возлагают обязанность обеспечить возможность осуществления этого права.

Воспрепятствование присутствию адвоката лица, в помещении которого производится обыск, при проведении указанного следственного действия является нарушением уголовно-процессуального закона. Соответственно, суд в случае поступления обращения от юридического лица, признав факт нарушения права владельца помещения на присутствие адвоката при обыске (статья 125, часть пятая статьи 165 УПК Российской Федерации), вправе вынести частное определение (постановление) в адрес органов дознания, предварительного следствия о фактах нарушений закона, требующих принятия необходимых мер (часть четвертая статьи 29 названного Кодекса), а юридическое лицо – воспользоваться компенсаторными механизмами, предусмотренными законодательством (обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства о возмещении вреда, требовать привлечения должностных лиц к ответственности и др.).

17. Определением от 14 января 2020 года № 5-О Конституционный Суд выявил смысл положений части первой статьи 125 и части четвертой статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспоренными положениями части первой статьи 125 УПК Российской Федерации предусматривается, что постановления органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в районный суд по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления.

Положениями части четвертой статьи 221 УПК Российской Федерации закрепляется в том числе порядок обжалования следователем постановления прокурора о возвращении уголовного дела.

Как указал Конституционный Суд, установленный порядок обжалования следователем постановления прокурора о возвращении дела

определяет взаимоотношения соответствующих должностных лиц при отправлении ими должностных полномочий в ходе досудебного производства и не распространяется на потерпевших и иных лиц, выступающих в защиту собственных интересов, тем более в случаях, когда процессуальное решение, принятое в рамках прокурорско-надзорных полномочий, само по себе не ведет к причинению ущерба конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо реальному ограничению их доступа к правосудию.

Статья 125 УПК Российской Федерации, являющаяся одной из гарантий обеспечения конституционного права граждан на доступ к правосудию, предполагает в случае, когда прекращением уголовного дела на досудебной стадии судопроизводства это право ставится под угрозу нарушения, проверку судом по жалобе потерпевшего на постановление следователя о прекращении уголовного дела с точки зрения законности и фактической обоснованности данного постановления изложенными в нем обстоятельствами, с учетом всех значимых для решения этого вопроса факторов, которые могли существенно повлиять на вывод о наличии фактических и правовых оснований для прекращения уголовного дела, включая обстоятельства, на которые указывает в своей жалобе потерпевший, материалы прокурорского реагирования, обусловившие изменение уголовно-правовой квалификации инкриминируемого обвиняемому деяния, если это послужило непосредственной предпосылкой для прекращения уголовного дела ввиду истечения срока давности уголовного преследования, а также доводы, приводимые в обоснование своей позиции лицами, участвующими в судебном рассмотрении жалобы, с тем чтобы этот вопрос не разрешался исходя из одних лишь формальных условий прекращения дела, а суд, руководствуясь критериями эффективности и справедливости правосудия, основываясь на самостоятельной оценке существенных в таких ситуациях обстоятельств, соблюдая баланс публичных интересов правосудия, прав и законных интересов участников процесса.

18. Определением от 14 января 2020 года № 6-О Конституционный Суд выявил смысл положений статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспоренные законоположения регламентируют сроки содержания под стражей и порядок их продления судом.

Как указал Конституционный Суд, статья 109 УПК Российской Федерации предполагает принятие судом решений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания

под стражей, в том числе до предельного, на основе общих для всего уголовного судопроизводства положений статей 97, 99, 108 и 109 данного Кодекса, которые подлежат единообразному применению по каждому из отдельно расследуемых в отношении одного и того же лица дел, не требуя при этом учитывать по правилам части двенадцатой статьи 109 данного Кодекса время, проведенное им под стражей по ранее возбужденному уголовному делу, при определении срока содержания под стражей по новому делу в случае раздельного производства по ним. Иной порядок, предполагающий совокупное исчисление времени содержания лица под стражей по уголовным делам, которые не соединены в одно производство и ни одно из которых не выделено из другого, приводил бы к взаимозависимости решений об избрании и продлении этой меры пресечения, что, вопреки основаниям и условиям ее избрания, вело бы к игнорированию общественной опасности инкриминированного по новому делу преступления и прочих значимых обстоятельств, диктующих необходимость ограничения свободы данного лица. Тем самым ставились бы под угрозу ценности, для защиты которых избирается мера пресечения.

19. В Определении от 27 января 2020 года № 7-О Конституционный Суд повторил правовые позиции, изложенные в Постановлении от 10 февраля 2017 года № 2-П.

Конституционный Суд отметил, что статья 212¹ УК Российской Федерации с учетом ее конституционно-правового смысла, выявленного в указанном Постановлении, не содержит положений, допускающих наступление уголовной ответственности за одно лишь формальное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, равно как и предполагающих применение к привлекаемому к уголовной ответственности лицу наказания в виде лишения свободы, если приговором не установлены утрата публичным мероприятием мирного характера или причинение либо реальная угроза причинения именно существенного вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, иным конституционно охраняемым ценностям, а также причинно-следственная связь указанных последствий с нарушением виновным лицом установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования.